

УДК 81'42

МЕСТО ВСТРЕЧИ, ИЛИ ДВА ВЗГЛЯДА НА ПОНЯТИЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

© В.Б.Медведев

В статье рассматривается проблема взаимоотношения языка и мышления в интерпретации великого немецкого филолога и философа В.Гумбольдта и современного американского лингвиста Н.Хомского. Опираясь на понятие внутренней формы слова, введенное в лингвистику В.Гумбольдтом, Н.Хомский строит свою парадигму взаимоотношений мышления и сознания, в основе которых лежит механизм универсальных для любого сознания глубинных структур безотносительно к их национальному орнаменту, порождающих модели поверхностных реализаций.

Ключевые слова: внутренняя форма, мировидение, глубинная структура, поверхностная структура, генеративная грамматика, национальный компонент содержания, детерминация.

Положение о наличии в языке духовной силы, детерминирующей национальный образ мышления, обозначил в языкознании известный немецкий ученый В.Гумбольдт, создававший свое учение в русле канонов классической немецкой философии. Диалектическое рассмотрение им языка как порождения духовного начала в человеке неминуемо привело ученого к кардинальному утверждению наличия в каждом языке соответствующего национальному духу мировидения ("Weltansicht"): «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [1: 349].

Носителем национального содержания языка является внутренняя форма слова, которая, по выражению В.Гумбольдта, «собственно и составляет язык» [2: 83]. Именно в ней «находится главный источник многообразия обозначения одного и того же предмета» [2: 84-85].

Гумбольдт подчеркивает не столько функциональную сторону языка, выступающего в качестве инструмента общения или средства обозначения предметов и явлений действительности, сколько внешнее проявление внутренней духовной деятельности человека. Таким образом, в теории Гумбольдта механизм языковой репродукции мыслительного процесса заключается в диалектическом процессе реализации мысли в устоявшейся строго национальной внутренней форме.

Свою теорию наличия в сознании человека врожденной, независимой от родного языка универсальной грамматики профессор Массачусетского университета Ноам Хомский выстраивает в русле учения В.Гумбольдта, которое получило у американского ученого своеобразное преломление.

Гумбольдтово понятие внутренней формы Н.Хомский истолковывает с присущим ему акцентом на принципах генеративной грамматики как «некоего устойчивого и неизменного принци-

па порождения, определяющего способы осуществления безграничного спектра индивидуальных «творческих» актов, которые составляют суть нормального языкового употребления» [3: 53].

Влияние творческого индивида на проявление национального характера языка происходит у Гумбольдта, по мнению Н.Хомского не затрагивая его лексико-грамматический инвентарь. И здесь возможна постановка одной из проблем: включает ли в себе внутренняя форма слова этнический элемент и следует ли обращать внимание на внутреннюю форму как индикатор проявления национальных языковых особенностей при формировании характера языка?

Как показывает анализ учения В.Гумбольдта, именно форма, вобравшая в себя все особенности языка, представляет собой силу, детерминирующую мыслительный, а следовательно, и творческий процесс, при котором человек руководствуется формальными достижениями языка. Причем этот процесс благодаря внутренней форме языка является исключительно национально-ориентированным и задача внутренней формы состоит в выполнении репродуктивной функции.

Напротив, Н.Хомский считает, что «знание языка, в виде интернациональной системы правил, является одним из многих факторов, детерминирующих использование и понимание высказывания в определенной ситуации» [4: 49]. Лингвист, пытающийся сконструировать правильную грамматику, основывается на эмпирических фактах одного рода, без учета всего комплекса ментальных актов, во взаимосвязи различных факторов. Вместо традиционного способа работы с грамматикой, объясняющей создание, восприятие, использование и понимание высказывания на конкретном языке, Н.Хомский предлагает обращение к универсальным принципам, на которых должна быть построена грамматика. Эта

универсальная грамматика направлена на изучение природы интеллектуальных способностей человека, не на выбор того или иного способа языковой репродукции, а к основам этой репродукции, заключенным в универсальном для всех носителей языка опыте.

Сосредоточив свое внимание на синтаксических явлениях, Н.Хомский пересмотрел гумбольдтово понятие энергетического свойства формы языка и заменил «внутреннюю форму» на «глубинную структуру», порождающую дальнейшие речевые образцы (“patterns”), перенес всю смысловую нагрузку именно на эту структуру. Собственно, данную замену нельзя считать игрой терминов, так как интернациональная по своей сути глубинная структура подменила, но не заменила строго национально-ориентированную внутреннюю форму. Однако эта новация позволила Н.Хомскому применить понятие внутренней формы языка к единицам уровня предложения. Вытеснение из исследования внутренней формы языка за счет глубинной структуры и представление последней лишь как слаженного механизма клонирования языковых структур не могло не лишить ее выразительности.

Сосредоточившись на выразительной функции языка и оттеснив на второй план его коммуникативную функцию, Н.Хомский, подобно филозофам-картезианцам, убедился, что структура высказывания не есть зеркальное отражение структуры мысли, которой для лингвиста-философа является прежде всего суждение. Отсюда последовала неизбежность расчленения предложения на поверхностную и глубинную структуры, которые необязательно должны быть тождественны. Первая – является базисной абстрактной структурой, определяющей семантическую интерпретацию предложения; вторая представляет собой поверхностную организацию единиц, определяющую фонетическое оформление реального высказывания [3: 72]. Глубинная структура является общей для конкретного суждения на любом языке, поэтому она считается простым отражением формы мысли и выступает в терминах Н.Хомского в виде «пропозиции», т.е. еще не утвердившегося логического суждения. Трансформационные же правила, по которым глубинная структура превращается в поверхностную, могут различаться от языка к языку. Поверхностная структура, образуемая в результате этих трансформаций, разумеется, не выражает непосредственно значимых связей между словами, за исключением простейших случаев. Семантическое содержание предложения передается именно глубинной структурой, лежащей в основе реально произнесенного высказывания. Одна и та

же глубинная структура может по-разному реализоваться в разных языках, например, в латинском языке мы имеем *Video canem cui rentem* (Я вижу бегущую собаку), а во французском – *Je vois un chien qui court* (Я вижу собаку, которая бежит) [3: 76].

Чтобы составить реальное предложение на основе данной глубинной структуры, которое передавало бы заключенную в ней мысль, необходимо применить определенные трансформационные правила изменения порядка следования элементов, например, субституции или опущения. Некоторые из этих правил обязательны, другие же – факультативны. Так, предложение *Dieu qui est invisible a creè le monde visible* (Бог, который невидим, создал мир, который видим) отлично от его парафразы *Dieu invisible a creè le monde visible* (Невидимый Бог создал видимый мир); здесь применена факультативная операция опущения, однако трансформация, в результате которой существительное заменяется относительным местоимением, а последнее выносится в препозицию, является обязательной [3: 86].

Разрешение соотношения глубинной и поверхностной структур позволяет провести корректную интерпретацию смысла синтаксической единицы. Без анализа глубинной структуры предложения “*I disapprove of John's drinking*” невозможно избежать двусмысленности его толкования: негативное восприятие факта употребления субъектом напитков (Я не одобряю, что Джон пьет) или же отталкивающая манера принятия им этих напитков (Я не одобряю то, как Джон пьет). Таким образом, Н.Хомский переносит проблему соотношения языка и мышления в плоскость понимания, пытаясь объяснить процесс генерирования созданием глубинных структур, получающих в дальнейшем поверхностную реализацию, выходящая тем самым этническую самобытность высказывания. Механистический подход анализа языковых единиц структурирует логику возникновения и продуцирования их сознанием, но не раскрывает природу языковой детерминации, т.е. исходной посылки Гумбольдта о влиянии языка на мышление индивида.

«Знание языка включает в себя возможность бесконечному количеству предложений присоединять глубинные и поверхностные структуры, соответствующим образом связывать их между собой и сочлененным глубинным и поверхностным структурам придавать семантическую и фонетическую интерпретации» [4: 54].

В реляции глубинной и поверхностной структур интерес Н.Хомского, как мы видим, обращен преимущественно к глубинной структуре, генерирующей множество поверхностных реали-

заций и, по сути, в отрыве от последних, поскольку качественные характеристики вариантов поверхностных структур в теории порождающей грамматики не столь актуальны и не ориентированы на конкретный язык. Как пишет сам автор генеративной грамматики: «... совершенно очевидно, что поверхностная структура зачастую вводит в заблуждение и мало информативна, а в основе наших языковых знаний лежат свойства абстрактной природы, которые невозможно вывести непосредственно из поверхностной структуры [4: 66-67].

Нетрудно заметить, что от внимания исследователя генеративной цепочки множества репрезентаций глубинной структуры уходит такой важный компонент как национальная специфика содержания, присущая в большинстве случаев семантически состоявшимся элементам языка. В случае порождающей грамматики сознание как бы воспроизводит синонимичные или омонимичные поверхностные структуры безотносительно к основной этнической составляющей, если речь идет о межъязыковых трансформациях.

Можно утверждать, что, сформировавшись в недрах сознания родного языка, глубинная структура в процессе творчества индивида при пользовании последующим языком остается неизменной, хотя сознание устремлено, порождая новую языковую структуру, к сохранению приближенного к этническому языку ее воплощения. Если же исходить из постулатов порождающей грамматики, то сознанию безразлична семантическая наполненность внешней реализации глубин мысли, хотя обе структуры теснейшим образом взаимосвязаны между собой. Удивительным в теории порождающих структур Н.Хомского является расхождение между изначально заданным фокусированием исследования на репрезентативной, а следовательно, творческой функции языка в процессе исключительно созидательной деятельности индивида и интересом к той, семантически оскуденной, базисной структуре, от которой отталкивается ученый. Н.Хомский неминуемо должен был следовать этому пути, поскольку картезианская лингвофилософия, как показал и анализ самого ученого, преследовала цель преимущественно логически верного построения высказывания и обеспечения понимания его собеседником, но не его творческого оформления. Такая позиция неизбежно привела американского ученого к упрощенному взгляду на язык и вытеснению лингвоэтнического содержания его элементов. Об этом свидетельствует и своеобразие интерпретации Н.Хомским основных положений теории В.Гумбольдта. Однако вариативность внешней репрезентации глубинной структуры подразумевает ее неоднородность и дифференциацию на единую

для всех последующих реализаций пропозицию и семантически окрашенную, в особенности если касаться этнических оттенков передаваемого структурой содержания, часть, которую мы предлагаем назвать *диспозицией*. Пропозиции глубинной структуры по большому счету безразлично внешнее оформление содержания и для нее важна лишь корректная передача информации. Но с другой стороны, поскольку основной функцией языка, по Н.Хомскому, является реализация креативных мыслей индивида, то именно семантический слой глубинной структуры, иными словами ее внутренняя диспозиция, в данном случае релевантна. Если обратиться к образцам предложений национально-опосредованного содержания, то взгляд на их глубинную структуру будет кардинально отличаться от высказываний, привлеченных к анализу Н.Хомским. Например, с позиций семантики глубинная структура нейтральна к внешней форме передачи силлогизма: «Быть как все». И дело тут вовсе не в наличии нейтральных трансформационных вариантов. Форма межъязыковых трансформаций данного суждения отнюдь не безразлична духовно одаренной языковой личности. Варианты поверхностной репрезентации этого утверждения имеют явные различия в языках:

«*Со своим уставом в чужой монастырь не ходят*» (русск.);

"*In Rom tu', was Rom tut*" (нем.)

"*In Rome one must do as the Romans do*" (англ.).

Глубинные структуры в немецком и английском языках как в пропозиции, так и в диспозиции эквивалентны, поскольку являются клишированным фразеологизмом с латинского, зато еще резче очерчивают национальный колорит русского устойчивого выражения. Однако данное содержание, заложенное в пропозиции, может реализовать себя и с большими этносемантическими расхождениями, явно присутствующими в русском варианте:

1. *Andere Städte, andere Sitten* (нем.)

2. *One must not put one's sickle into another harvest* (англ.)

Русская пословица может быть без семантических потерь передана на немецком языке буквальным переводом "*Mit eigenem Gesetz geht man nicht ins fremde Kloster*" или приближенным и не совсем адекватным русскому оригиналу трансформом, приведенным в примере. Английский язык, напротив, предлагает помимо латинизированного варианта также перевод, отражающий реалию сельской жизни Британии. Таким образом, невзирая на языковые различия внешней формы этих утверждений, единая глубинная структура имеет разное воплощение благодаря

присутствию в их содержательной структуре специфической национально-языковой составляющей. В этом и есть суть дифференциации глубинной структуры, членимой этнически ориентированным сознанием индивида на пропозицию и диспозицию. Эта связь этнического компонента содержания с его внешней формой передачи сохраняется во всех последующих ситуативно-обусловленных речевых актах индивида. Поэтому великий Гумбольдт и ставил дух народа в зависимость от его языка. Во имя сохранения в языке этой национально-обусловленной духовности появляется необходимость вычленения в глубинной структуре единой для всех носителей языков внутренней части и этнически релевантного слоя. Такое, как нам представляется, гумбольдтово понимание сути построения языковых структур осталось за пределами порождающей грамматики Н.Хомского. Теорию Н.Хомского отличает упрощенный взгляд ее автора на форму языка не как на носительницу национально-этнического содержания и действенную силу, оказывающую влияние на творческий процесс индивида, но как на композицию семантически безликой глубинной структуры и лимита вариантов поверхностной структуры. Таким образом, сознание человека высвобождается из языкового плена и становится неподвластным какому-либо национально-языковому влиянию. При этой крайности человек воспринимает окружающий мир не одухотворенным национальным языком, но образованием, лишенным жизненных красок. Иного подхода в рамках картезианской лингвистики от Н.Хомского сложно и нелогично было бы ожидать.

Когда-то известный теоретик языка К.Фосслер назвал внутреннюю форму слова «местом встречи философа и лингвиста, подающих в приветствии друг другу руку» [5: 243]. В данном случае, несмотря на все попытки Н.Хомского постулировать своим теоретическим посылкам гумбольдтову интерпретацию внутренней формы слова, «рукопожатие» в полном смысле не состоялось из-за нивелирования национального характера внутренней формы и отсутствия диалектического понимания механизма взаимодействия мышления и языка.

Однако несомненным достижением теории Н.Хомского является обогащение им лингвистики понятиями глубинной и поверхностной структур, позволившими еще более контрастно выделить этнодетерминирующие свойства языка.

*****

1. *Гумбольдт В. фон.* Характер языка и характер народа // *Язык и философия культуры.* – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
2. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // *Хрестоматия по истории языкознания XIX веков.* – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 65 – 89.
3. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика: Глава из истории рационалистической мысли. Пер. с англ. Изд.2. – М.: URSS, 2010. – 232 с.
4. *Chomsky N.* Sprache und Geist. Mit einem Anhang: Linguistik and Politik. – Frankfurt/M.: Suhrkamp Vlg., 1970. – 189 S.
5. *Vossler K.* Geist und Kultur in der Sprache. – Heidelberg: Karl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1925. – 267 S.

THE MEETINGPOINT OR TWO INTERPRETATIONS OF THE INNER FORM

V.B.Medvedev

The article discusses the problem of relationship between language and mind in the interpretation of the great German philologist and philosopher W.Humboldt and the modern American linguist N.Chomsky. Guided by the notion of the inner form, introduced by W.Humboldt, N.Chomsky creates his paradigm of relationship between mind and language, based on the mechanism of underlying structures universal for every mind, irrespective of their national ornament, generating models of surface realizations.

Key words: inner form, vision of the world, underlying structure, surface structure, generative grammar, national component of content, determination.

*****

Медведев Владимир Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного университета путей сообщения.

E-mail: medvedev-mail@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2013